

Город, которого нет: потерянная повседневность Х.Л. Борхеса

© Ковалев Б.В., 2025

Борис Вадимович Ковалев, ассистент кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

ORCID: 0000-0002-1904-1844

E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Аннотация. На примере поэтических текстов Борхеса, посвященных повседневности и образу Буэнос-Айреса, отчетливо прослеживается та сторона творчества великого аргентинского писателя, которая для многих в силу сложившейся литературной репутации автора остается незамеченной. На первый план в представленном анализе выходит не Борхес-книжник, Борхес-библиотекарь, рассуждающий о литературе, философии, погружающий читателя в хитроумные мистификации, а Борхес эмоциональный, внимательный к мелочам, деталям, пейзажу и людям, которые и составляли на деле его повседневность. Этот новый взгляд актуален, поскольку в современном борхесоведении доминируют исследования, посвященные либо интертекстуальным связям по модели «Борхес и другие писатели», либо текстологическим аспектам, либо

умозрительно-философскому анализу его трудов. Цель статьи — показать, как Борхес использует в своей поэзии атрибуты повседневного. В качестве материала исследования используются стихотворения «Пустая комната» из сборника «Жар Буэнос-Айреса» (1923), «Легендарное основание Буэнос-Айреса» из книги «Сан-Мартинская тетрадка» (1929), два стихотворения под названием «Буэнос-Айрес» из сборника «Иной и прежний» (1964), «Буэнос-Айрес» из «Хвалы тьме» (1969), «Буэнос-Айрес, 1899» из «Истории ночи» (1977) и «Буэнос-Айрес» из книги «Тайнопись» (1981). В ранних текстах город приобретает скорее символическое значение, служит посредником между реальным и метафизическим. В поздних стихах, написанных в пору слепоты, Борхес выстраивает образ Буэнос-Айреса своей молодости, уделяя особое внимание повседневной жизни в 1920–1940-е гг. Старый Буэнос-Айрес оказывается для Борхеса потерянным раем, что он сам констатирует в поздних текстах.

Ключевые слова: Хорхе Луис Борхес, поэзия Борхеса, Буэнос-Айрес, аргентинская поэзия, ультраизм, повседневность, текстология, образ города в поэзии, потерянный рай, литературная репутация

Для цитирования: Ковалев Б.В. (2025) Город, которого нет: потерянная повседневность Х.Л. Борхеса. *Иberoамериканские тетради*. № 3. С. 83–99. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-83-99

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

La ciudad que no existe: la vida cotidiana perdida de J.L. Borges

© Kovalev B.V., 2025

Boris V. Kovalev, profesor adjunto, Departamento de Filología Románica, Universidad Estatal de San Petersburgo.

199034, Rusia, San Petersburgo, Malecón Universitetskaya, 7–9

ORCID: 0000-0002-1904-1844

E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Resumen. Los textos poéticos de Borges, dedicados a la vida cotidiana y a la imagen de Buenos Aires, demuestran claramente una faceta especial de la obra del gran escritor argentino, que para muchos pasa desapercibida debido a su reputación literaria que se consolidó en los círculos literarios. Este artículo ofrece un análisis no del Borges amante de libros, bibliotecario, que habla de la literatura y filosofía, sumergiendo al lector en diferentes mistificaciones, sino del Borges emocional, atento a las nimiedades, los detalles, el paisaje y a las personas que realmente conformaban su vida cotidiana. Este nuevo punto de vista es relevante porque las investigaciones modernas sobre Borges están dominadas por estudios dedicados a las conexiones intertextuales (según el modelo «Borges y otros escritores»), a los aspectos textuales o al análisis filosófico de sus obras. El propósito de este artículo es mostrar cómo Borges utiliza los atributos de lo cotidiano en su poesía. Los poemas que sirven como material de estudios son: «Sala vacía» del libro «Fervor de Buenos Aires» (1923), «Fundación mítica de Buenos Aires» («Cuaderno San Martín», 1929), dos poemas titulados «Buenos Aires» («El otro, el mismo», 1964), «Buenos Aires» («Elogio de la sombra», 1969), «Buenos Aires, 1899» («Historia de la noche», 1977) y «Buenos Aires» («La cifra», 1981). En sus primeros textos, la ciudad tiene un significado más simbólico, sirviendo como mediadora entre lo real y lo metafísico. En los poemas posteriores, escritos durante su ceguera, Borges construye una imagen del Buenos Aires de su juventud, prestando especial atención a la vida cotidiana en las décadas entre 1920 y 1940. Resulta que el Viejo Buenos Aires es un paraíso perdido para Borges, lo que él mismo afirma en sus textos posteriores.

Palabras clave: Jorge Luis Borges, poesía de Borges, Buenos Aires, poesía argentina, ultraísmo, vida cotidiana, crítica textual, imagen de la ciudad en la poesía, paraíso perdido, reputación literaria

Para citar: Kovalev B.V. (2025) La ciudad que no existe: la vida cotidiana perdida de J.L. Borges, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 83–99. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-83-99

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

A City That Doesn't Exist: The Lost Everyday Life of J.L. Borges

© Kovalev B.V., 2025

Boris V. Kovalev, Assistant Professor, Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University.

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7–9.

ORCID: 0000-0002-1904-1844

E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Abstract. The poetic texts of Borges, dedicated to everyday life and the image of Buenos Aires, clearly demonstrate the side of the great Argentine writer's work, which for many remains unnoticed due to his established literary reputation. This article provides an analysis not of Borges the bookworm or Borges the librarian, who talks about literature and philosophy, immersing the reader in sophisticated mystifications, but of Borges the emotional, attentive to details, landscape and people that actually made up his everyday life. This new point of view is relevant, since modern Borges studies focus predominantly on either intertextual connections (the model of this kind of studies is «Borges and others»), or textual aspects, or provide a philosophical analysis of his works. The purpose of the article is to demonstrate how Borges uses the attributes of everyday life in his poetry. The poems used as material are: «Sala vacía» from the book «Fervor de Buenos Aires» (1923), «Fundación mítica de Buenos Aires» from «Cuaderno San Martín» (1929), two poems entitled «Buenos Aires» («El otro, el mismo», 1964), «Buenos Aires» («Elogio de la sombra», 1969)), «Buenos Aires, 1899» («Historia de la noche», 1977) and «Buenos Aires» («La cifra», 1981). In the early texts by Borges, the city has a more symbolic meaning, serving as a mediator between the real and the metaphysical. In his later poems, written during his blindness, Borges constructs an image of the Buenos Aires of his youth, paying particular attention to everyday life in the 1920s–40s. In essence, Old Buenos Aires is a lost paradise for Borges, which he himself confirms in his later texts.

Key words: Jorge Luis Borges, Borges' poetry, Buenos Aires, Argentine poetry, ultraism, everyday life, textual criticism, the image of the city in poetry, lost paradise, literary reputation

For citation: Kovalev B.V. (2025) A City That Doesn't Exist: The Lost Everyday Life of J.L. Borges, *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 83–99. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-83-99

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

Цель настоящей статьи (носящей неизбежно предварительный характер) — показать, как Борхес (Jorge Luis Borges, 1899–1986) в своей поэзии использует атрибуты повседневного, причем внимание акцентируется на том, как выстраивается образ Буэнос-Айреса.

Подчеркнем, что мы не намерены проводить целокупный анализ того, как менялось отношение Борхеса к родному городу, — программная статья и подробная книга на тему «Борхес и Буэнос-Айрес» напечатаны более четверти века назад [Zito, 1999a, 1999b]. Образ города для нас важен именно потому, что на примере поэтических текстов, посвященных Буэнос-Айресу, отчетливо видна та сторона творчества Борхеса, которая для многих (в силу сложившейся литературной репутации автора) остается незамеченной. На первый план выходит не Борхес-книжник, Борхес-библиотекарь, рассуждающий о литературе, философии, уводящий читателя в лабиринты снов и слов и погружающий его в хитроумные мистификации, а Борхес эмоциональный, внимательный к мелочам, деталям, которые на деле и составляли — вопреки расхожим штампам — его повседневность.

Это тем более актуально, что в современном борхесоведении доминируют исследования, посвященные либо интертекстуальным связям по модели «Борхес и другой писатель», например, Борхес и Уитмен (Walt Whitman, 1819–1892) [Martínez, 1999; Miller, 2010], Борхес и Гонгора (Luis de Góngora, 1561–1627) [Betti, 2021], Борхес и Набоков (1899–1977) [Kressova, 2007] и т.д., либо текстологическим аспектам [Candelaria, 2014; García, 2015; Helft, 2003], либо умозрительно-философскому анализу его трудов [Millán, 2009; Salinas, 2020], в чем могут убедиться, среди прочего, читатели журнала *Variaciones Borges*, крупнейшего на сегодняшний день борхесоведческого издания.

Борхес и повседневность: к постановке проблемы

Говоря о теме «Борхес и повседневность», необходимо определить, что мы понимаем под повседневностью. В толковом словаре Кузнецова «повседневный» понимается как *имеющий место изо дня в день* либо как *ничем не примечательный, обыденный, будничный*¹. Однако в случае Борхеса определить, что для него является повседневным, не столь очевидная задача, как кажется на первый взгляд. Проблема кроется в его литературной репутации — вернее, в представлении о житейском укладе Борхеса, увиденном через призму его литературных трудов. Вокруг Борхеса сложился стереотип (или даже облако стереотипов), согласно которому атрибут его каждодневной жизни — библиотека, чтение, изучение самых разнообразных, но при

¹ Повседневный: Толковый словарь под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/повседневный> (accessed: 09.06.2025).

этом узнаваемо борхесовских материалов. Надо сказать, распространению этого мифа весьма способствовал и сам Борхес. Широко известна его цитата: «Кто-то гордится каждой написанной книгой, я — любой прочтенной»², а также ряд эссе и рассказов, посвященных рассуждениям о прочитанном в библиотеке, причем Борхес рассуждает как о книгах, которые читал непосредственно, — «Время и Дж. У. Данн», «Биатанатос», так и, например, о текстах, с которыми был знаком посредством энциклопедий³. Именно на таких текстах-посредниках основаны эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса», «Метафора» и т.д. и т.п.

Впрочем, Борхес-читатель еще и достаточно честен перед своими читателями. Он написал рецензию на «Улисса», заявив: «Признаюсь, я не прочел всех семисот страниц романа, признаюсь, что читал его лишь отрывками, но все же постиг его суть»⁴.

Борхес в «Эссе о Данте» иронически замечает, что не читал всех комментаторов Данте «и никто не читал»⁵, У. Эко (Umberto Eco, 1932–2016) обращает внимание, что Борхес не читал трудов Уилкинса (John Wilkins, 1614–1672), но написал о них эссе [Эко, 2016: 69]. В 1959 году на фоне скандала с публикацией «Лолиты» В.В. Набокова и возможного запрета книги в Аргентине Борхес заявил, что не читал «Лолиты» и не собирается, но все же дал комментарий в газете «Сур», что нельзя запрещать книги⁶ и пр.

Хорхе Луис Борхес

² Борхес Х.Л. Золото тигров. Сокровенная роза. История ночи. Полное собрание поэтических текстов. Москва. Иностранка. 2023. С. 311. Перевод Б. Дубина.

³ Любопытно при этом, что сам Борхес к текстам-посредникам, вторичной литературе относился скептически, отдавая приоритет чтению и анализу оригинала: «Когда студенты спрашивали у меня библиографию, я отвечал: «Библиография не имеет значения; в конце концов Шекспир не подозревал о существовании шекспировской библиографии... Почему не обратиться прямо к текстам? Если эти тексты доставят вам радость, прекрасно; если они вам не нравятся, оставьте их; идея обязательного чтения абсурдна, с таким же успехом можно говорить о принудительном счастье...»». (Борхес Х.Л. Вечер пятый. Поэзия // Борхес Х.Л. Сочинения: В 3 т. Т. 3. 1994. С. 372.) Это ещё одна черта, которая роднит Борхеса с Набоковым, также призывавшим студентов читать собственно тексты. — *Здесь и далее примеч. авт.*

⁴ Борхес Х.Л. Всемирная библиотека. Non-fiction. Избранное. Москва. Азбука. 2024. С. 18.

⁵ Борхес Х.Л. Всемирная библиотека... С. 323.

⁶ Borges J.L. El caso "Lolita": crónicas / Borges en Sur (1931-1980). Buenos Aires: Emecé, 1999. P. 308–309.

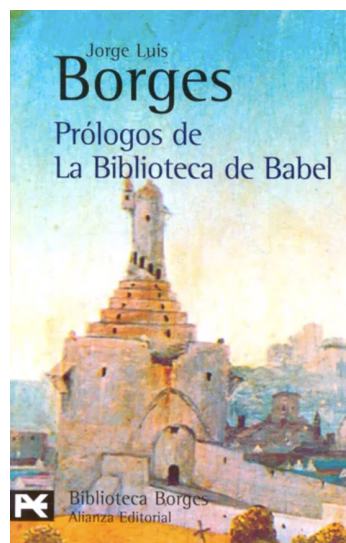
Кроме того, Борхес известен работой не только в библиотеке, но и *над* библиотеками. В 1930-е гг. он провел «девять глубоко несчастных лет» в муниципальной библиотеке в качестве рядового сотрудника, но в 1955-м, после падения Перона (Juan Domingo Perón, 1946–1955, 1973–1974), был назначен директором Национальной библиотеки — по злой иронии судьбы, когда ослеп почти полностью и мог различать разве что желтый цвет. Подробно о Борхесе и его отношении к библиотекам реальным и вымышленным написано в книге Е.Ю. Гениевой «Библиотека как центр межкультурной коммуникации» [Гениева, 2008].

Что касается его работы *над* библиотеками, то здесь необходимо упомянуть ряд антологий, над которыми он работал: «Антология фантастической литературы» и «Антология аргентинской поэзии» (1940 и 1941 гг. соотв., вместе А. Бием Касаресом и С. Окампо), «Классическая антология аргентинской литературы» (1937 г., совм. с Педро Энрикесом Уреньей), «Краткая англосаксонская антология» (1978 г., совм. с Марией Кодамой) и многие другие.

Однако, разумеется, главными библиотеками Борхеса являются две серии: «Личная библиотека» и «Вавилонская библиотека». Обе состоят из кратких эссе-предисловий к любимым книгам Борхеса. «Вавилонская библиотека» — один из поздних проектов, инициированный Франко Марией Риччи в 1973 году⁷. Таким образом, Борхес не только работал в библиотеках, но и оставил после себя как минимум четыре библиотеки: собственную (архив), «Личную» и две «Вавилонских» — как серию предисловий и как рассказ.

Итак, репутация Борхеса-читателя, главного библиотекаря, великого книжника, невероятно устойчива и имеет под собой весомые основания. Однако будет не совсем (или даже совсем не) верным полагать, что повседневность Борхеса состояла исключительно из книг.

Во-первых, следует отметить, что большая часть книг, которыми Борхес занимался на протяжении жизни, прочитаны им в детстве и ранней юности. По словам Э. Вайнбергера, к двадцати годам Борхес уже открыл для себя большую часть книг и писателей, которые останутся с ним на всю жизнь [Weinberger, 1999: 526].

Обложка сборника эссе-предисловий Х.Л. Борхеса «Вавилонская библиотека»

⁷ Подробно о нем мы писали в статье «Русская библиотека Х.Л. Борхеса: имена, контексты, лакуны», опубликованной в журнале «Русская литература» [Ковалев 2024b].

Во-вторых, «всемирная литературная отзывчивость», всеохватность Борхеса, интертекстуальная насыщенность текстов — неперенные атрибуты скорее зрелого и позднего периодов. На раннем этапе (1920-е гг.) Борхеса волнуют идеи аргентинизма, он воспевае поэтику окраин. В этот период его занимает поиск национальной идентичности, ответ на вопрос, «что есть аргентинское», — и это вполне объяснимо в свете того, что конец XIX – первая треть XX в. — эпоха расцвета Аргентины, особенно на контрасте с Европой, пораженной войнами и революциями⁸.

Как отмечает Т.И. Межиковская, в 1920-е гг., на которые приходится издание его ранних поэтических сборников «Жар Буэнос-Айреса» (1923 г.) и «Луна напротив» (1925 г.), Борхес «создае своего рода мифологию отваги и к концу 1920-х гг. выдвигает на первое место фигуру тангового героя — “компадрито”», обитателя городских окраин» [Межиковская, 2004: 385].

Сам Борхес в позднем предисловии 1969 г. к новому изданию «Луны напротив» пишет: «Я захотел стать аргентинцем — забыв, что уже им являюсь. Я отважился приобрести несколько словарей аргентинизмов, из которых почерпнул ряд слов, которые сегодня едва ли могу расшифровать: “madrejón”, “espadaña”¹⁰, “estaca рапра”¹¹... Город из “Жара Буэнос-Айреса” — камерный, глубоко личный, здесь же он предстае пышным и многолудным»¹².

Более того, резюмируя и анализируя судьбу Борхеса, К.А. Зито утверждает: «Первые двадцать лет жизни Борхес прожил среди книг, а последние тридцать — во тьме. Между этими периодами изгнания лежат три десятилетия, в течение которых он был обычным горожанином, общался с самыми разными людьми и видел реальный мир во всех его формах и красках. Все это происходило исключительно

Пасео-де-Хулио, Буэнос-Айрес. 1900–1905

⁸ Об интересе Борхеса к русской революции см. [Ковалев 2024b].

⁹ Букв. ‘кум, приятель’. Характерная для аргентинской культуры начала XX в. фигура обитателя городских окраин.

¹⁰ По данным Словаря Королевской академии испанского языка: *madrejón* — ‘высохшее русло реки’, *espadaña* — ‘травянистое растение от полутора до двух метров высотой, с мечевидными листьями’, растущее в Аргентине, Бразилии и Уругвае соответственно. *Diccionario de la lengua española*. URL: <https://dle.rae.es> (accessed: 14.08.2025).

¹¹ ‘Способ привязать лошадь в открытом поле, прикрепив недоуздок к пучку дикой соломы’. Gallardo J.L. *Dichos argentinos*. URL: https://institutedecultura.cudes.org.ar/wp-content/uploads/2021/09/boletin09_2021_Dichosargentinos_JuanLuisGallardo_letraE.pdf (accessed: 14.08.2025).

¹² Борхес Х.Л. Золото тигров... С. 55. Перевод Б. Ковалева.

на улицах Буэнос-Айреса» [Zito, 1999b: 112]. Фактически, по мысли исследователя, город оказывается медиационным пространством, «заземляющим» Борхеса, сближающим его с тем, что мы называем реальностью. Город составляет повседневность Борхеса.

И, на наш взгляд, наиболее внятный пример того, как Борхес фиксирует повседневное, — описание его родного города Буэнос-Айреса в стихотворениях.

Буэнос-Айрес Борхеса: от мифа к потерянному раю

Характерный пример «личного» Буэнос-Айреса — «Пустая комната» из сборника «Жар Буэнос-Айреса» (1923)¹³:

*Los muebles de caoba perpetúan
entre la indecisión del brocado
su tertulia de siempre.
Los daguerrotipos
mienten su falsa cercanía
de tiempo detenido en un espejo
y ante nuestro examen se pierden
como fechas inútiles
de borrosos aniversarios.
Desde hace largo tiempo
sus angustiadas voces nos buscan
y ahora apenas están
en las mañanas iniciales de nuestra infancia.
La luz del día de hoy
exalta los cristales de la ventana
desde la calle de clamor y de vértigo
y arrincona y apaga la voz lacia
de los antepasados.*

*Красное дерево
в смутном мерцанье шпалер
дли и длит вечеринку.
Дагерротипы манят мнимой близостью лет,
задержавшихся в зеркале,
а подходяшь — мутятся,
как ненужные даты
из памяти стершихся празднеств.
Сколько лет нас зовут
их тоскующие голоса,
едва различимы теперь
ранним утром далекого детства.
Свет наставшего дня
будит оконные стекла
круговертью и гамом столицы,
все тесня и глуша слабеющий отзвук былого¹⁴.*

За личным проглядывается всеобщее, небольшая зарисовка оказывается не натуралистической, а символической. Реальный, повседневный образ дома, улиц, кварталов, всего города отсылает к чему-то большему, вечному, фундаментальному. Этот метод построения образа согласуется с подходом, заявленным Борхесом в первом (и последнем) написанном им манифесте — в статье «Ультраизм»: необходим «синтез двух и более образов в один, который таким образом расширяет свои суггестивные возможности» [Межиговская, 2004: 374].

Парадоксально, но, несмотря на заявленные ультраистами и, в первую очередь, самим Борхесом лаконизм, ориентированность на метафоричность, на отмену вычурных красотостей, «орнаментальных безделушек» и на активное описание окружающей действительности, поэтические

¹³ Borges J.L. Poesía completa. Nueva York. Vintage Español. 2012. P. 36.

¹⁴ Борхес Х.Л. Золото тигров... С. 24. Перевод Б. Дубина.

тексты ультраистов в итоге тяготеют к мифологизации описываемого — в частности, Буэнос-Айреса. Пожалуй, наиболее яркая иллюстрация такого подхода — стихотворение «Легендарное основание Буэнос-Айреса» из третьего сборника 1920-х гг. «Сан-Мартинская тетрадка» (1929 г.), которое кончается такими строками:

*Una cigarrería sahumó como una rosa
el desierto. La tarde se había ahondado en ayer,
los hombres compartieron un pasado ilusorio.
Sólo faltó una cosa: la vereda de enfrente.*

*A mí se me hace cuento que empezó Buenos Aires:
la juzgo tan eterna como el agua y el aire.*

*Вял розой табачный ларек в запустенье.
Прожитое, опять на закате вставая,
одевало мужчин своей призрачной тенью.
И с одною панелью была мостовая.*

*И не верю я сказке, что в некие годы
создан город мой — вечный, как ветры и воды¹⁵.*

В контексте «метафизичности» этого текста важно, что Борхес изменил его название. Первоначально стихотворение называлось «Fundación mitológica de Buenos Aires» — «Мифологическое основание Буэнос-Айреса», но в предисловии к изданию 1969 г. Борхес пишет, что решил заменить его на «Fundación mítica» (в традиционном переводе Б. Дубина — «легендарное»), поскольку первое определение «ассоциируется с массивными мраморными божествами». Это изменение можно расценить как осознание Борхесом излишней оторванности от конкретики, от предметности. В том же предисловии он объясняет: «Эта формулировка является ложной и по своей сути. Эдинбург, Йорк или Сантьяго-де-Компостела могут играть в игры с вечностью, но не Буэнос-Айрес, выросший на наших глазах из пустырей и немощеных переулков»¹⁶.

Пино Колливадино. Улица Перу и Альсина. 1926

Именно в 1960-е годы, после тридцатилетнего перерыва в написании стихов¹⁷, происходит «консервативный поворот» Борхеса, частью которого становится и обращение к консервативным поэтическим формам. Одновременно с этим происходит и переосмысление образа Буэнос-Айреса. Борхес избирает другой способ формулирования того, чем для него является город:

¹⁵ Там же. С. 77. Перевод Б. Дубина.

¹⁶ Там же. С. 75. Перевод Б. Ковалева.

¹⁷ О периодизации поэзии Хорхе Луиса Борхеса см.: [Ковалев, 2024а].

больше не подчеркивается связь с мифологическим, символическим; Борхес обращается к личным воспоминаниям, тем самым «пустырям и немощным переулкам».

В сборнике «Иной и прежний» (1964) есть два подряд сонета с одинаковым названием «Буэнос-Айрес». Это типичный пример борхесовских повторений (повтора как осознанного приема). Примечательно, что в предисловии к «Иному и прежнему» Борхес констатирует свою манеру повторяться и заявляет, что «вторые версии, как правило, получаются слабее, чем первые»¹⁸.

В обоих «Буэнос-Айресах» Борхес обращается к предметам, конкретным деталям, с которыми у него ассоциируется город: *una frescura de cedrones y jazmines* — «холодок кедров и жасмина», *la verja que guarda* — «кованая ограда», *el dorado bronce de las inútiles aldabas* — «пожухлая позолота на рукояти молотка у двери», а также двери, колонны, ряд улиц Палермо. Борхес резюмирует: *Ahora estás en mí. Eres mi vaga / suerte, esas cosas que muerte apaga*¹⁹. — «Теперь во мне ты, ставший потайною / Моей судьбой — всем, что уйдет со мною»²⁰.

Именно в зрелых стихах о Буэнос-Айресе происходит перелом: теперь город — это не посредник между автором и чем-то неопределенно метафизическим, а набор деталей, картин и образов, составляющих личность Борхеса и его героя. Парадоксально, но ослепший Борхес значительно больше уделяет внимание деталям, цветам, оттенкам, он воссоздает Буэнос-Айрес своей молодости.

Фиксацию Борхеса на проблеме памяти отмечает и К.А. Зито: «[С 1955 года] его глаза больше не видят ни книг, ни города, но и то и другое уже тщательно зафиксировано в его памяти, и из нее будут рождаться — пусть и анахроничные — тексты и стихи, которых хватит еще на несколько томов» [Zito, 1999b: 112]. По всей видимости, детализация образов в стихах о родном городе возникла именно в силу потери зрения.

Палермо, Буэнос-Айрес. 1945

¹⁸ Борхес Х.Л. Золото тигров... С. 145. Перевод К. Корконосенко.

¹⁹ Borges J. L. Poesía completa... P. 263.

²⁰ Борхес Х.Л. Золото тигров... С. 240. Перевод Б. Дубина.

Подробное описание (каталог в духе Борхеса) «признаков Буэнос-Айреса» дается в сборнике «Хвала тьме» (1969 г.). Текст вновь называется «Буэнос-Айрес», его форму мы бы рискнули назвать стихами в прозе. Текст строится как ряд определений, дающих ответ на вопрос, заданный в первой строке: «Что такое Буэнос-Айрес?»²¹ — *¿Qué será Buenos Aires?*²² Борхес полагает, что это и Майская площадь, и тротуар в квартале Кинтана, «бронзовый всадник на постаменте с ежедневной каруселью своих теней» — *es el jinete de pesado metal que proyecta desde lo alto su serie cíclica de sombras*, «это тот же всадник под ливнем» — *es el mismo jinete bajo la lluvia*, «это последнее зеркало, где отразилось лицо отца» — *es el último espejo que repitió la cara de mi padre*, «затаенный последний дворик» — *los patios últimos*, «это кафе у площади Онсе безлюдной ночью, когда Маседонио Фернандес, теперь умерший, объяснял мне, что смерть — это наша выдумка» — *es, en la deshabitada noche, cierta esquina del Once en la que Macedonio Fernández, que ha muerto, sigue explicándome que la muerte es una fantasía* и т.д.

Маседонио Фернандес (Macedonio Fernández, 1874–1952) — один из наиболее оригинальных мыслителей Аргентины первой половины XX в., друживший с отцом Борхеса, а с начала 1920-х — и с самим молодым поэтом. С 1923 г.

Майская площадь в начале XX в.

они издают ультраистско-авангардистский журнал «Проа». Беседы в кафе с Фернандесом — признак повседневности молодости Борхеса. Как отмечает Т.И. Межиговская, М. Фернандес «часами просиживал в буэнос-айресских кафе в окружении молодежи — Борхеса, Маречала, Хирондо <...>. М. Фернандес воплощал в глазах ультраистов антибуржуазность, своего рода бегемоту 20-х гг., для которой ортегианский витализм, “дух жизни” во всех ее проявлениях, в том числе “литературная жизнь”, был едва ли не важнее литературного творчества...» [Межиговская, 2004: 376]. Кроме того, Борхес помогает своему наставнику и старшему товарищу с изданием текстов.

Отдельного пояснения заслуживает отношение М. Фернандеса к смерти, упомянутое в этом стихотворении. В 1920 году умирает его жена, он пишет поэтические тексты «Елена Прекраснаясмерть» (*Elena bellamuerte*)

²¹ Там же. С. 306–307. Перевод Б. Дубина.

²² Borges J.L. Poesía completa... P. 329.

и «Смерть есть красота» (*Muerte es beldad*), которые будут опубликованы только в начале 1940-х гг. Рефлексия на тему смерти, смерти как временного отсутствия, идеи о том, что проявления внешнего мира являются абстракциями, что смерть есть сон и она же — красота, нашли отражение в разговорах и философско-литературных текстах, серьезно повлиявших на Борхеса в 1920-е гг.

При этом надо отметить, что стихотворение «Буэнос-Айрес» из «Хвалы тьмы» (1969 г.) проливает свет на еще одну сторону повседневности Борхеса, причем уже более позднего периода, — его романтические и семейные отношения. Крайне любопытно, что в переводе этого текста Б. Дубиним содержится еще одна строфа: «Это высокий дом на Юге, где мы с женой переводим Уитмена, чьим эхом полнятся эти строки» — *Es una alta casa del Sur en la que mi mujer y yo traducimos a Whitman, cuyo gran eco ojalá resuene en esta página*. Однако этой строфы нет в рекомендованном Фондом Борхеса издании 2012 г., на которое мы ссылаемся в этой статье и на основе которого осуществляются новейшие переводы поэзии Борхеса, в чем автор этих строк имел возможность убедиться, когда участвовал в подготовке первого полного собрания поэтических текстов Борхеса на русском языке. Зато эта строфа есть, например, в первом издании сборника (1969 г.). По-видимому, все дело в том, что Борхес с 1967 по 1970 г. был женат на своей давней подруге Эльзе Астете Мильян (Elsa Astete Millán, 1910–2001), с которой они вместе переводили Уитмена, о чем она упоминала в интервью, также многое сообщая о повседневной жизни Борхеса тех лет: «Борхес-писатель, узник своего лабиринта, остается за дверью, рядом с лифтом, когда другой Борхес, мой муж, входит в дом, голодный и усталый, иногда сдержанный, иногда довольный, но никогда не сердитый. И я жду и приветствую этого Борхеса-ребенка. Он оставляет свои трость и берет (как часто он его теряет) на первом попавшемся стуле, на котором отдыхает после прогулок по улицам, исхоженным тысячу раз и всегда необычным (*siempre renovadas*). Этот простой Борхес — сама растерянность перед лицом *повседневности*, перед лицом сложности простого факта; постоянное возвращение к этой неизвестной женщине, которая формирует его жизнь и теперь делит с ним каждое мгновение. Ищите Борхеса-писателя в библиотеке на улице Мехико; здесь, в нашем доме, его никогда нельзя было сыскать, разве что когда мы вместе работали над переводом Уитмена»²³.

²³ Elsa Astete. La novia nuevejuliense de Borges. El 9 de Julio. 28.02.2022. URL: <https://www.diarioel9dejulio.com.ar/noticia/137352> (accessed: 10.06.2025).

Собрание поэтических текстов Борхес готовил в конце жизни, его последняя жена и президент Фонда Борхеса Мария Кодама (María Kodama, 1937–2023) завершала работу. Кто принял решение вымарать строфу про первую жену (Борхес, Кодама или решение было коллегиальным), неизвестно, впрочем, как представляется, это и не существенно.

Х.Л. Борхес и его первая жена Эльза Астете

Другим принципиально важным текстом является сонет «Буэнос-Айрес, 1899» (сборник «История ночи», 1977), где дается описание дома, где в том году родился Борхес²⁴:

*El aljibe. En el fondo la tortuga.
Sobre el patio la vaga astronomía
del niño. La heredada platería
que se espeja en el ébano. La fuga
del tiempo, que al principio nunca pasa.
Un sable que ha servido en el desierto.
Un grave rostro militar y muerto.
El húmedo zaguán. La vieja casa.
En el patio que fue de los esclavos
la sombra de la parra se aboveda.
Silba un trasnochador por la vereda.
En la alcancía duermen los centavos.
Nada. Sólo esa pobre medianía
que buscan el olvido y la elegía.*

*Колодец с черепашкой на дне.
Мерцают звезды над большим двором.
Блестит семейным старым серебром
массивный стол. Бег времени, хоть
неподвижным время кажется сначала.
Оружие, служившее в пустыне.
Портрет солдата, сгинувшего ныне.
И коридор сырой, ведущий к залу.
В другом дворе (рабов там больше нету)
беседки виноградной темный свод.
И полуночник в тишине поет.
Стареет дом. В копилке спят монеты.
И ищут скромный образ этих лет
забвенье да печальный мой сонет²⁵.*

Россыпь бытовых образов (колодец, старое серебро, массивный стол, портрет воина, монеты, сабля), ассоциирующихся с родным домом Борхеса, оказывается своего рода мозаикой, из которой слепой поэт собирает образ прошлого. И эти образы отсылают не к абстрактному «идеальному» городу «на материале Буэнос-Айреса», как это было в ранних сборниках, — референция направлена непосредственно на детские (точнее говоря, рассказанные ребенку родителями) воспоминания, которые Борхес пытается спасти от забвения своим текстом.

²⁴ Borges J.L. Poesía completa... P. 507.

²⁵ Борхес Х.Л. Золото тигров... С. 474. Перевод Б. Ковалева.

В сборнике «Тайнопись» (1981) есть еще одно стихотворение под названием «Буэнос-Айрес», которое оказывается своего рода перепевом текста-определения из «Хвалы тьме». Эта новая версия — квинтэссенция тоски Борхеса по старому Буэнос-Айресу. Он начинает текст²⁶ так:

*He nacido en otra ciudad que también se llamaba
Buenos Aires.
Recuerdo el ruido de los hierros de la puerta cancel.
Recuerdo los jazmines y el aljibe, cosas de la nostalgia.
<...>
Recuerdo un bastón con estoque.
Recuerdo lo que he visto y lo que me contaron mis
padres.
Recuerdo a Macedonio, en un rincón de una confitería
del Once.
Recuerdo las carretas de tierra adentro en el polvo del
Once.
Recuerdo el Almacén de la Figura en la calle de
Tucumán.*

*Я родился в другом городе, он тоже назывался
Буэнос-Айрес.
Я помню скрип петель железной калитки.
Помню жасмины и колодеи, которых больше нет.
<...>
Помню трость с клинком.
Помню то, что я видел, и то, что мне рассказа-
ли родители.
Помню, как Маседонио сидел в одной из
кондитерских Онсе.
Помню телеги из провинций на пыльных улицах
Онсе.
Помню бар Альмасен-де-ла-Фигура на улице
Тукуман²⁷.*

Снова упоминается Маседонио Фернандес в кафе, предметы быта, характерные улицы. Далее идет аналогичное перечисление признаков Буэнос-Айреса от кафе в Онсе до газовых фонарей и железной калитки. В финале текста Борхес заключает, что единственный рай, доступный человеку, — это потерянный рай. Кроме того, возможно, новые поколения будут тосковать по нынешнему облику города. Именно потерянным раем оказывается для Борхеса старый Буэнос-Айрес, что объясняет нетипичную для него детализацию и предметность в выстраивании образа, причем эти детали носят личный характер, в отличие от ранних опытов Борхеса.

Более того, Буэнос-Айрес оказывается потерянным раем для Борхеса не только потому, что он ослеп и не в состоянии его увидеть, — Буэнос-Айрес изменился объективно: как отмечает К.А. Зито, в течение жизни Борхеса город стал совершенно иным. Буэнос-Айрес разросся, изменился пейзаж: на смену небольшим улочкам и конным трамваям пришли широкие шоссе и огромные автомобили, одно- и двухэтажные дома оказались вытеснены многоэтажными комплексами, многие из описываемых предметов вошли в черту города. По оценке К.А. Зито, даже в текстах Борхеса 1980-х гг. о Буэнос-Айресе мы видим атрибуты (самое позднее) начала 1940-х [Zito, 1999b: 113]²⁸. Соответственно, газовые фонари, кованые

²⁶ Borges J.L. Poesía completa... P. 548.

²⁷ Борхес Х.Л. Золото тигров... С. 513. Перевод Б. Ковалева.

²⁸ Впрочем, отмечается, что вплоть до XXI в. в Буэнос-Айресе сохранились некоторые приметы потерянной Борхесом эпохи: пригородный пейзаж, оставленный им в стихах, продолжает жить в глубине районов Барракас, Матадерос или в нескольких километрах к югу или западу от города.

решетки, колодцы, беседки, равно как и посиделки в кафе с давно умершими людьми (например, М. Фернандесом, отцом и творческим окружением Борхеса), остаются приметами Буэнос-Айреса прошлого.

* * *

Повседневность Борхеса, ассоциируемая с Буэнос-Айресом его детства, отрочества, юности и молодости, оказывается потерянной на нескольких уровнях.

Во-первых, никому не дано вернуться в свою юность, в состояние, пережитое в конкретные годы в конкретном пространстве, — не исключение и Борхес.

Во-вторых, в течение XX в. Буэнос-Айрес серьезно изменился: Буэнос-Айрес 1970–1980-х гг. принципиально отличается от города, в котором рос и начинал литературную деятельность Борхес.

В-третьих, Борхес в середине 1950-х гг. утратил зрение — и потому не мог видеть родной город и те изменения, что с ним произошли. Именно поэтому он, основываясь на своих

Буэнос-Айрес в 2013 г.

воспоминаниях, тщательно выстраивает образ Буэнос-Айреса прошлого, используя детали, признаки и предметы повседневного, которые в целом несвойственны его поэтике. При этом сам образ города, как и его реальный референт, претерпевает изменения: от полумифологического ультраистского конструкта — к предмету личных воспоминаний и переживаний Борхеса, бережно воспроизводимых и анализируемых в стихах.

Наконец, в-четвертых, эта повседневная сторона творчества Борхеса оказывается потерянной массовым — и порой даже вполне квалифицированным — читателем: настолько силен ореол Борхеса как сухого интеллектуала, обитателя не города, а библиотек, блуждающего не по улицам Палермо, а по лабиринтам книжных полок.

В дальнейших работах мы предполагаем и далее анализировать эмоциональные проявления Борхеса, связанные с повседневной жизнью, на материале его поэтических текстов.

Список литературы / References

- Гениева Е.Ю. (2008) *Библиотека как центр межкультурной коммуникации*, Москва, РОССПЭН, 208 с.
- Genieva E.Yu. (2008) *Biblioteka kak tsentr mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The library as a center of intercultural communication], Moscow, ROSSPEN, 208 p. (In Russian)
- Ковалев Б.В. (2024a) О некоторых квантитативных подходах к периодизации поэтических текстов Хорхе Луиса Борхеса, *Terra Lingüística*, no. 1, pp. 36–48. DOI: 10.18721/JHSS.15103.
- Kovalev B.V. (2024a) O nekotorykh kvantitativnykh podkhodakh k periodizatsii poeticheskikh tekstov Khorkhe Luisa Borkhesa [On Certain Quantitative Approaches to Periodization of Luis Borges's Poetry], *Terra Linguistica*, no. 1, pp. 36–48. DOI: 10.18721/JHSS.15103. (In Russian)
- Ковалев Б.В. (2024b) Русская библиотека Х. Л. Борхеса: имена, контексты, лакуны, *Русская литература*, № 2, pp. 226–234. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-226-234.
- Kovalev B.V. (2024b) Russkaya biblioteka Kh. L. Borkhesa: imena, konteksty, lakuny [Russian Library of J.L. Borges: names, contexts, lacunae], *Russkaya Literatura*, no. 2, pp. 226–234. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-226-234. (In Russian)
- Межиговская Т.И. (2004) Литература Аргентины, *История литератур Латинской Америки. Т. 4, ч. 2. XX век: 20–90 годы*, под ред. В.Б. Земскова, Москва, ИМЛИ РАН, 2004, с. 370–451.
- Mezhikovskaya T.I. (2004) Literatura Argentiny [Literature of Argentina], in V.B. Zemskov *Istoriia literatur Latinskoï Ameriki. T. 4, ch. 2. XX vek: 20–90 gody* [The History of Latin American literature. Vol. 4, part 2. The 20th century: 1920s – 1990s], Moscow, IMLI RAN, 2004, pp. 370–451. (In Russian)
- Эко У. (2016) *О литературе*, Москва, АСТ, Corpus, 2016, 416 с.
- Eco U. (2016) O literature [On literature], Moscow, AST, Corpus, 416 p. (In Russian).
- Betti M. (2021) La perla o la rosa. Góngora según Borges [The Pearl or the Rose. Góngora according to Borges], *Arte Nuevo: Revista de Estudios Áureos*, no. 8, pp. 230–258. DOI: <https://doi.org/10.14603/8G2021> (In Spanish)
- Candelaria B. (2014) Variaciones sobre el poema “Rusia” [Variations on the poem “Russia”], *Variaciones Borges*, no. 38, pp. 29–46. (In Spanish)
- García C. (2015) *El joven Borges y el expresionismo literario alemán* [The young Borges and German literary expressionism], Córdoba, Universidad de Córdoba, 232 p. (In Spanish)
- Helft N. (2003) History of the land called Uqbar, *Variaciones Borges*, no. 15, pp. 151–180. (In Spanish)
- Kressova N. (2007) *Bajo el signo de Proteo. Estudio comparado de temas y motivos en las obras de J. L. Borges y V. Nabokov* [Under the Sign of Proteus: A Comparative Study of Themes and Motifs in the Works of J. L. Borges and V. Nabokov], Tesis doctoral, Granada, 302 p. (In Spanish)
- Martínez T.E. (1999) Borges y Whitman: el otro, el mismo [Borges and Whitman, the other, the same], *Revista chilena de literatura*, no. 55, pp. 189–194. (In Spanish)
- Millán H.M. (2009) El Platón de Borges [Plato of Borges], *Variaciones Borges*, no. 28, pp. 163–186. (In Spanish)
- Miller A. (2010) Borges canta a Whitman [Borges sings to Whitman], *Variaciones Borges*, no. 30, pp. 145–159. (In Spanish)

Salinas A.M. (2020) Los arquetipos en Borges: clasificación y análisis [Archetypes in Borges: classification and analysis], *Variaciones Borges*, no. 50, pp. 127–148. (In Spanish)

Weinberger E. (1999) Notes, in J.L. Borges *Selected non-fictions*, New York, Viking, Penguin Group, pp. 523–548.

Zito C.A. (1999a) *El Buenos Aires de Borges* [Buenos Aires of Borges], Aguilar, 1999, 258 p. (In Spanish)

Zito C.A. (1999b) El Buenos Aires de Borges [Buenos Aires of Borges], *Variaciones Borges*, no. 8, pp. 108–120. (In Spanish)